УДК [321.011:330.15](410.5)

ТЮРИН Е.А.,
САВИНОВА Е.Н.

Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами

В статье рассматривается проблема национального суверенитета Шотландии в свете решения вопроса о преодолении политико-правовой конкуренции нормативных документов, регулирующих процесс устойчивого управления природными ресурсами. Авторы уделяют особое внимание управлению нефте-газодобычей и разработкой морских ресурсов Шотландии, так как управление в этих отраслях использования природных богатств ясно отображает сложные взаимодействия между разными уровнями конституционного регулирования.

Ключевые слова: Шотландия; национальный суверенитет; государство-нация; государственная политика; устойчивое развитие; Брундланд Комиссия; управление природными ресурсами; конституционализм; конституционный порядок Великобритании.

Богатая история, культурное наследие и традиции позволяют оставаться Шотландии страной, которая сумела сохранить свою самобытность и оригинальность на протяжении веков. Для страны, которая из-за союза с Англией более трехсот лет фактически не имеет своего суверенитета, это огромное достижение. Тем более что с течением времени шотландская самоидентичность не только не утратилась, но и, несмотря на различные исторические перипетии, получила новое политическое воплощение. Именно самоидентичность лежит в основе деятельности парламента и правительства современной Шотландии, стремящейся к возвращению своего национального суверенитета.

Шотландия является страной, которая богата природными ресурсами, и нация во многом обязана своим уровнем жизни природным активам, находящимся на территории страны. Понятно, что управление этими активами является для шотландцев важнейшим вопросом как в настоящее время, так и в обозримом будущем.

Управление природными ресурсами Шотландии можно охарактеризовать как сложный процесс, так как их эксплуатация должна осуществляться в рамках не только шотландских, но и общебританских, европейских и международных нормативных документов. Кроме того, общее восприятие управления природными активами за последние три десятилетия изменилось под воздействием концепции устойчивого развития, которая очевидно влияет на цели, преследуемые государственной политикой, и обостряет проблему подотчетности государств и их правительств, когда дело доходит до использования общих мировых ресурсов.

В этой статье предпринята попытка определить, является ли деятельность шотландского правительства подрывающей или, напротив, продвигающей концепцию устойчивого развития. Для того, чтобы это осуществить, необходимо начать с анализа самой концепции устойчивого развития, ее правовой природы, ее влияния на управление природными ресурсами. Также необходимо рассмотреть концепцию конституционализма и, в частности, идею глобального конституционализма. И только после этого логичным будет рассмотрение механизмов взаимодействия между конкурирующими конституционными

порядками, которые регулируют управление природными ресурсами Шотландии.

Приступая к рассмотрению политики государственного регулирования природных ресурсов, а также к выявлению политико-управленческих предпочтений Шотландии в рамках концепции устойчивого развития, нам необходимо делать акцент на соотношение политических сил, исходя из общих целей шотландской политики, а также из специфики государственного устройства Шотландии. В связи с тем, что рамки статьи ограниченны, анализ правовых норм, направленных на содействие целям устойчивости в областях, связанных с политикой управления природными ресурсами, осуществлялся в контексте британского конституционного порядка.

Итак, термин "устойчивое развитие" в течение последних трех десятилетий оказал существенное влияние на управление природными ресурсами во всем мире. Данный термин, найдя свой путь в нормативные тексты, привел к переменам в политике разных стран, способствовал возникновению обширной отчетности по экологическим вопросам и повлиял на смещение акцентов в государственной политике как на национальной, так и на международной аренах.

Хотя понятие "устойчивое развитие" существовало в течение очень долгого времени, оно не было использовано в качестве официального научного (и тем более правового) термина до 1980-х. Этот термин получил свое дальнейшее развитие в Докладе Брундтланд (Brundtland Report)[1] и с тех пор был признан в качестве научного понятия, когда речь идет об анализе вопросов, связанных с рациональным использованием природных ресурсов в мире. Со временем термин "устойчивое развитие" определялся по-разному с точки зрения его содержания, но определение, выдвинутое Брундтланд Комиссией (Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию), используется наиболее часто[2]. Брундтланд Комиссия определяет устойчивое развитие как "удовлетворение потребностей настоящего поколения людей без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности"[3]. На наш взгляд, такая трактовка данного понятия двояка. С одной стороны, в определении подчеркивается, что при рациональном использовании природных ресурсов потребности настоящего времени должны быть полностью удовлетворены, с другой – говорится, что возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности не должны быть ущемлены[4]. Таким образом, определение предлагает огромный запас интерпретаций. Таким образом, размытость (а точнее, двоякость) определения, данного Брундтланд Комиссией, позволяет исследователям с различными взглядами и интересами самостоятельно давать свое толкование рассматриваемому понятию, но при этом оставаться в пределах определения Брундтланд Комиссии. В результате государственные структуры и органы вводят в правовую и управленческую практику свои интерпретации, ориентируясь на собственные политические интересы и взгляды.

В общем, цели устойчивого развития должны быть сориентированы на достижение баланса между тремя столпами устойчивости: окружающей средой, социальным обеспечением и экономикой. Согласно концепции, люди должны принимать во внимание природу, которая их в определенном смысле ограничивает, и уважать данные ограничения, когда дело доходит до управления природными ресурсами. Но при этом, если следовать концепции, устойчивое развитие возможно лишь при условии сохранения окружающей среды, которая должна рассматриваться как основной из трех столпов устойчивости, опирающихся на окружающую среду, – в сравнении с экономикой и социальным обеспечением,

Поэтому сущность взглядов защитников устойчивости в данном контексте сводится к тому, что ***без должной государственной поддержки окружающей среды и ее природных ресурсов длительная экономическая и социальная прибыль не может быть достигнута***[5]. Таким образом, чтобы гарантировать оба жизненных уровня – текущий и будущий, современные страны должны эксплуатировать свои природные ресурсы в соответствии со стратегией, которая обеспечивала бы баланс между тремя основными столпами устойчивости. Без этого, следовательно, цель обеспечения устойчивого развития не может быть достигнутой.

Один из основополагающих принципов демократии – это подотчетность органов

власти и управления обществу. Подотчетность играет важную роль в тех странах, где структуры, которые принимают решения, несут ответственность за свои действия и неудачи. Если правовые документы содержат положения, в которых объективно выдвигается такая цель, как устойчивость, ответственность может служить в качестве основы для достижения этой цели, чтобы последняя могла стать реальностью, а не пустой декларацией. Однако эффективность любого правового предписания в основном определяется юридической силой закона, и в этом смысле должно делаться различие между стратегической управленческой целью и правовым принципом закона. Правовые принципы формулируют точную норму поведения и общий вектор ее понимания и осуществления согласно закону[6]. С другой стороны, основные политико-управленческие предпочтения с содержащимися в них формулировками стратегических целей (которые неточны по своей природе) позволяют тактикам-управленцам с их властными полномочиями определить, как цель будет наиболее эффективно достигнута; следовательно, у политико-управленческих предпочтений, как обычно полагают, нет правовых последствий из-за их неточного характера.

Следовательно, категоризация терминов в правовых нормах – в качестве юридического принципа или политической цели – значительно влияет на эффективность управления. Это особенно верно для концепции устойчивого развития, в частности из-за влияния категоризации терминов в правовых нормах на управление внутри каждой отдельной страны и между странами. Надлежащая категоризация термина, таким образом, не только устанавливает правовой характер конкретного термина, но также и предопределяет общую важность управления в аспекте использования природных ресурсов. Поэтому важно попытаться определить, может ли термин “устойчивость” быть категоризирован как правовой принцип. Как уже упоминалось выше, принято считать, что правовые принципы подлежат исполнению в рамках закона. Однако это не единственный фактор, который определяет существование любого термина. Поскольку, как полагает К. Боссельман, определение внутреннего содержания термина в значительной степени “связывает его с философской литературой”[7]. Ретроспективно можно утверждать, что критерии определения того, является ли термин правовым принципом или нет, в основном зависят от распространенности соответствующей философской идеи, порождающей термин, а также от осведомленности общественности об этой идее, от ее непротиворечивого юридического использования за определенный период времени. Если термин соответствует этим критериям, то можно утверждать, что вероятность признания термина правовым принципом существенно увеличивается.

Вот уже некоторое время концепция устойчивого развития стала признанной в качестве соответствующего принципа решения экологических вопросов. Она оказала влияние на политику и политиков во всем мире, а также получила действенность через нормативные тексты и соглашения на национальном и международном уровнях. В связи с этим широким признанием и влиянием, которые данный термин приобрел за продолжительный период времени, можно утверждать, что принцип устойчивости, по сути, зарекомендовал себя как принцип, имеющий общие признаки с правовым принципом. Однако даже при том, что принцип может отражать здравый смысл и практику, его юридическое признание становится менее вероятным, если его точное значение (содержательное наполнение) остается неясным или двойственным[8]. Эта проблема существует и в отношении термина “устойчивость”. Его точное значение неясно из-за его неопределенного, двойственного определения. Юридическая норма, которая гласит, что определенный акт должен быть жизнеспособным, действительно, оставляет политикам широкий охват, чтобы определить, какие столпы устойчивости должны быть расположены по приоритетам, чтобы достигнуть искомой цели, поскольку определение слова очень субъективно. Следовательно, это способствует нехватке ясности по поводу значения слова и, кроме того, определению его правового характера.

Чтобы завершить данные теоретико-методологические рассуждения, отметим, что у понятия устойчивого развития есть много характеристик в качестве правового принципа, но из-за неточного определения самого слова принцип фактически ограничил и возможные правовые последствия. Поэтому, чтобы усилить законную силу принципа (как правового), жизненно важным является более точное определение рассматриваемого термина.

Общая почва для определения термина устойчивого развития может внести ясность как в концепцию устойчивого развития, так и в установление правового характера самого термина. Как уже было сказано, из-за субъективного взгляда на характер концепции различные организации и группы интересов могут делать политико-управленческие акценты на трех различных столпах устойчивости. На практике это означает, что государственная политика, направленная на устойчивое развитие, зависит от восприятия понятия устойчивости конкретными лицами, заинтересованными в вопросе. В этой связи высказывается мнение, что расплывчатое определение устойчивости провоцирует дискурс, объединяя различные, подчас противоречащие друг другу интересы, которые при этом не противоречат общему фундаментальному пониманию термина[9].

Действительно, примирение конкурирующих взглядов и интересов может привести к открытому и значимому диалогу по основополагающим свойствам устойчивого развития. В этом отношении важно указать, что фундаментальное ядро устойчивого развития состоит в том, что будущие поколения нельзя подвергать опасности лишиться возможности повышения своего благосостояния. При этом не существует никакого "правильного" восприятия того, как окружающая среда должна служить человечеству в настоящее время и в будущем, и поэтому различные представления могут находиться в пределах одной общей структуры понятия. Однако можно утверждать, что, чтобы установить надлежащие отношения между людьми и окружающей средой, важно установить некоторые общие критерии того, как окружающая среда должна быть оценена. Без такого подхода различные интересы и взгляды будут в конечном счете иметь тенденцию определять его ценность субъективно, оставляя различным субъектам и заинтересованным группам слишком широкую область для определения целей и путей достижения устойчивого развития. К. Боссельман и Р. Шерман утверждают, что из-за субъективного характера трактовки понятия устойчивого развития общие критерии относительно ядра устойчивости в конечном счете должны опереться на фундаментальные идеалы общества.

К. Боссельман подчеркивает: "Наша интерпретация устойчивого развития определена этическими понятиями или мировоззрением в целом"[10]. Эта мысль находит поддержку и в точке зрения Р. Шермана, который утверждает, что этическая составляющая важна для интерпретации устойчивого развития, потому что "воздействие на окружающую среду – потенциальная угроза будущей человеческой жизнеспособности, и поэтому возникает вопрос моральной ответственности одних людей относительно других"[11]. Мы разделяем аргументы, выдвинутые К. Боссельманом и Р. Шерманом, и соглашаемся, что этический подход может служить основой для возможности выявления общих критериев при определении характера устойчивого развития. Такой подход имеет потенциал для установления границ специфических факторов устойчивого развития. Таким образом, при работе над достижением целей устойчивого развития этические взгляды создают подходящую почву для выявления ценности окружающей среды и поэтому сужают область трактовки рассматриваемого понятия.

Но необходимо учитывать и тот факт, что этическая составляющая также субъективна и со временем может измениться существенно. Поэтому значительно более важной проблемой является решение вопроса об определении точных объективных (если угодно, ноуменальных) ориентиров в том, как оценивать окружающую среду.

Чтобы установить некоторую общую позицию в отношении изначальных свойств устойчивого развития относительно окружающей среды, этическая точка зрения кажется самой подходящей и перспективной,

поскольку это дает возможность понять факторы, влияющие на содержание рассматриваемого понятия. Следовательно, обращаясь к вопросу устойчивого развития, этическая составляющая перспективна и существенно важна для соответствующей интерпретации. Как упоминалось выше, общее понимание характера устойчивого развития способствует более четкому представлению о концепции и, следовательно, о правовой природе устойчивого использования природных ресурсов. при наличии более точной концептуальную основы интерпретации понятия возникает и возможность установления границ, которые будут способствовать возникновению условий для характеристики устойчивости как правового принципа с его юридической силой. Изменение понятия устойчивого развития от простой цели государственной политики в направлении установления правового принципа дает возможность лучше служить цели сохранения общих мировых ресурсов. Однако важно отметить, что, как и в любом субъективном правовом принципе, жизненно важной представляется проверка возникающего контекста при практическом применении конкретного правового принципа.

Одной из главных возможностей для общества убедиться, что народные избранники содействуют реализации политических предпочтений народа в контексте принципов устойчивости, являются прозрачность и доступ общественности к информации. Как с помощью данных средств, так и в соответствии с конституционными ограничениями (или фундаментальным принципом верховенства закона) общественность имеет большую возможность влиять на власть, несущую ответственность за принимаемые решения, а также за реализацию этих решений[12].

В целях ограничения государственной власти и установления безопасных отношений между гражданами и государством большинство стран приняли конституции. Вкратце можно сказать, что конституция является юридическим документом, который признается в качестве основного закона, содержащего основополагающие правила, которые применяются в пределах государства, отражают принципы формирования структуры органов власти и процесса управления, а также определяют перечень охраняемых гражданских прав и свобод. Конституции являются обязательными для правительств и действий властей, которые считаются недействительными по решению судебных органов, если последние признают их неконституционными. В условиях развития интеграционных процессов в мире в последние два столетия конституционная мысль превзошла государства-нации, а конституционализм получил признание как развивающаяся научная теория, позволяющая изучать легитимность глобального управления. Это повышенное внимание к вопросам законности глобального управления расширило рамки реализации верховенства закона.

Конституционализм развился из философских идей о необходимости ограничить действия правительств, как мы признаем его сегодня, и начал складываться в 16–17 веках. Разработка этой теории началась во Франции, оттуда конституционализм распространился по всему миру[13], и сегодня подавляющее большинство государств мира приняли писаные конституции[14]. Как было сказано выше, основная идея конституции заключается в наложении ограничения на действия правительства, посредством декларирования структуры и процесса управления. Следовательно, конституция ограничивает государственную власть, определяя ее силу посредством конкретизации того, что может и чего не может делать власть. Идея предопределения государственной власти связана с принципом “верховенства права”, который в своей основе или форме требует, чтобы никто не стоял выше закона и не считался одним из краеугольных камней современного общества. Кроме того, верховенство закона направлено на защиту прав личности и общества от произвола власти[15]. Поэтому конституционализм продвигает и реализует верховенство закона как для выгод отдельных лиц, так и для выгод общества в целом.

Как отмечалось выше, теория конституционализма превзошла нации-государства и получила широкое признание в сфере изучения легитимности глобального управления. Это может быть связано с тем, что значимость международных конвенций

и соглашений существенно возросла в последнее время, а многие из проблем, с которыми сталкивается сегодня мир, требуют многостороннего сотрудничества для того, чтобы быть адекватно решенными. Кроме того, глобализация взрастила понятие единого универсального конституционного порядка или глобальной конституционной системы, способствуя конституционным идеям о верховенстве закона независимо от конкретной государственной территории[16]. Изменения в международных отношениях и в современной политической истории человечества изменили идею суверенного государства, где права человека, демократия и политическая структура были единственными предметами беспокойства государства-нации. Теперь такие государства все чаще передают свой суверенитет (в некоторых областях), чтобы международные организации, которые действуют от их имени, и негосударственные субъекты получили большее влияние и значение на международной арене, что в дальнейшем будет способствовать размыванию государственных границ[17].

Но необходимо помнить и о том, что в основе власти лежит вопрос о ее законности. Подобные вопросы породили, например, характерный длительный дискурс о власти Европейского союза, в частности, в какой степени государства-члены отказались от своего суверенитета в пользу Евросоюза. Став членами ЕС, государства-члены признают, что правила встроены в соответствующие союзные соглашения, которые имеют силу конституционного закона[18]. В этой связи ЕС учредил собственный Конституционный порядок (с законодательством ЕС, которое имеет преимущественную силу над законами государств-членов, а также Европейский Суд, имеющий судебную власть над актами национальных правительств и органов управления), известный как принцип прямого действия и верховенства права ЕС, которые не зафиксированы в союзном договоре, но были созданы в ЕС для исключительных случаев[19]. Возвращаясь к сказанному выше, отметим, что из-за дефицита демократии, которая существует в ЕС, законность Евросоюза была поставлена под сомнение. А. Моравчик утверждает, что “основной источник легитимности ЕС лежит в демократической подотчетности национальных правительств”[20]. Таким образом, органы ЕС, получая отчетность от государств-членов, управляют потому, что национальные правительства являются демократически избранными и соответствуют принципу верховенства закона. То же самое верно для законности глобального управления. Глобальное управление часто критиковалось за нехватку законной власти. Аргументы в пользу его законности покоятся на том же основании, что касается и власти ЕС; это происходит от демократически избранных правительств. Ученые Р. Холл и Т. Бирштекер выдвинули интересную точку зрения относительно полномочий власти в сфере глобального управления. Они утверждают, что усиление глобализации привело к изменению власти, которая ушла из общественной сферы в частную, поскольку негосударственные акторы все больше берут на себя роль авторства по важным проблемам в разных сферах и совершают во многих случаях действия, традиционно связаные с политико-управленческими прерогативами национальных государств[21].

После первой мировой войны Шотландия столкнулась с трудными социально-экономическими проблемами. Безработица в Шотландии была самой высокой в Великобритании, и экономические показатели были столь плохи, что способствовали развитию социального хаоса[22]. Дивергенция социальных и экономических сред в пределах Соединенного Королевства еще более подчеркивала различия между странами, входящими в него, питая национальное чувство Шотландии как независимого суверенного государства. Шотландцы начали подвергать сомнению механизмы функционирования Соединенного Королевства, в особенности конституционные отношения с остальной частью Великобритании. Следовательно, спрос на расширение деволюции, возникнув в конце 1960-х, стал довлеть в вопросе о конституционных изменениях. С победой на выборах Шотландской Национальной Партии в 1988 году проблема изменения конституции еще более актуализировалась и стала доминировать над шотландской политикой в течение последующих десятилетий, как это все еще и происходит[23].

В том же 1988 году в Шотландии был создан Шотландский Конституционный Конвент, объединивший представителей различных партий, общественных движений и церквей. В 1989 году Шотландский Конституционный Конвент принял заявление о полной независимости Шотландии, данный документ не имел никакой юридической силы, но смог консолидировать многих сторонников независимости. В соответствии с повышением в Шотландии спроса на конституционные изменения Шотландский Конституционный Конвент наметил предложения о прямых выборах в шотландский парламент и передаче ему полномочий. В 1997 году предложения были поставлены перед шотландской нацией на референдуме, который в том же году одобрил подавляющим большинством голосов (74,3 % избирателей) реализацию этих предложений[24].

После референдума Парламент Великобритании принял Акт о Шотландии 1998 года, в котором был перечислен круг вопросов, остающихся под юрисдикцией британского парламента, и, кроме того, создавались (воссоздавались) собственные Парламент и Правительство Шотландии. Принятие этого закона ознаменовало новую эру в государственном управлении Шотландии и, что еще более важно, новую эру в англо-шотландских отношениях.

В дополнение к ознаменованию начала новой эры в государственном управлении Шотландии принятие Акта о Шотландии 1998 года также изменило британские конституционные рамки, и можно утверждать, что они стали значительно более сложными. Вместо одного правительства и парламента конституционный пейзаж теперь стал состоять из двух различных слоев законодательной и исполнительной власти. Здесь важно отметить смысл термина "деволюция" (делегирование полномочий) как термина, обозначающего рамки переданных полномочий, утвержденных для Парламента и Правительства Шотландии. По определению, деволюция определяется как процесс передачи полномочий от центрального правительства в пользу субнациональных сил. Тем не менее в данном контексте передача полномочий не предполагает разделение любых верховных полномочий общенациональной власти и, по сути, не имеет каких-либо конкретных правовых оснований[25]. Таким образом, передача полномочий Парламенту и Правительству Шотландии не умаляет законодательного суверенитета Вестминстера, который все еще сохраняет за собой право изменять или отменять любые законы, принятые Парламентом Шотландии, что, в свою очередь, только осложняет конфигурацию британского конституционного строя.

Акт о Шотландии не идентифицирует переданные полномочия, которые подпадают под ответственность шотландских Парламента и Правительства. Четко обозначен лишь перечень "защищеных вопросов", которые остаются в ведении Парламента Великобритании, а это означает, что вопросы, которые не были "защищены", автоматически перешли под юрисдикцию Парламента и Правительства Шотландии. Переданные вопросы включают такие сферы, как здравоохранение, образование, правосудие, местное самоуправление, экономическое развитие, рыболовство и охрана окружающей среды. Шотландский Парламент является полностью действующим парламентом и имеет право выработки как первичного, так и вторичного законодательства по вопросам, которые не "защищены".

Зарезервированные вопросы, которые проводятся по решению Парламента Великобритании, касаются иностранных дел, социального обеспечения, обороны и налогов[26]. В отношении шотландских природных ресурсов, эксплуатации нефти и газа, найденных на территории Шотландии, следует сказать, что они зарезервированы Вестминстером[27]. Тем не менее ряд вопросов, касающихся шотландских природных ресурсов, законно относятся к переданным полномочиям в пределах компетенции структур государственного управления Шотландии. Они включают охрану окружающей среды, сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство. Поэтому значительная часть вопросов управления природными ресурсами Шотландии передана последней.

В случае нефти и газа Великобритания сохраняет власть исследовать и эксплуатировать ресурсы, в то время как у Шотландии есть власть определять основные политико-управленческие цели относительно

экономического использования шотландской окружающей среды. Это способствует осложнению конституционных отношений между Вестминстером и Холирудом, поскольку одни полномочия, касающиеся природных ресурсов Шотландии, переданы, но другие остаются под юрисдикцией Великобритании. Важно подчеркнуть, что конституционные пределы, наложенные Актом о Шотландии 1998 года, применяются только по отношению к Шотландии, но не к Великобритании, которая сохраняет законодательный суверенитет. Однако на практике британское правительство обычно не аннулирует и не исправляет законы, принятые Парламентом Шотландии, без согласия шотландской стороны. Данная практика происходит из Конвеции Сэвела, выдвинутой во время принятия законопроекта по Шотландии, и выражена в Меморандуме о взаимопонимании между Вестминстером и Холирудом[28].

Можно, таким образом, утверждать, что полное управление шотландскими природными ресурсами одной из сторон невозможно, т.к. компетенция в данном вопросе фактически разделена между двумя правительствами. Подобное положение вещей, с одной стороны, свидетельствует о том, что наполнение политических и административно-правовых механизмов в управлении природными богатствами для Шотландии напрямую связано с вопросом о полноценном национальном суверенитете. Учитывая тот факт, что природные богатства Шотландии являются одной из существенных (если не ключевых) основ процветания этой страны, мы можем с полным основанием утверждать, что проблема управления природными активами на основе принципов устойчивости приобретает для шотландцев стратегическое национальное значение геополитического масштаба.

[1] More information on CSD-15, including the full press kit, can be found at: http://www.un.org/esa/sustdev/csd/policy.htm; CSD-15 will be webcast live at: www.un.org/webcast; For more information, please contact: Dan Shepard / Martina Donlon, UN Department of Public Information Tel: 212-963-9495 / 212-963-6816, Fax: 212-963-1186, Email: mediainfo@un.org

[2] Bosselmann K. The concept of sustainable development, in: K. Bosselmann and D. Grinlinton (eds.). Environmental Law for a Sustainable Society. Auckland, 2003. P. 22 – 26.

[3] Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development. Chapter two. Towards sustainable development. Available from http://www.un-documents.net/ocf-02.htm#I

[4] Bosselmann K. The concept of sustainable development, in: K. Bosselmann and D. Grinlinton (eds.). Environmental Law for a Sustainable Society. Auckland, 2003. P. 34.

[5] Bugge H. Ch. and Voigt C. (eds): Sustainable development in International and national law. Europa Law Publishing, 2009. P. 25 – 29.

[6] Bosselman K. The principle of Sustainability. Transforming law and literature. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 44.

[7] Bosselman K. The principle of Sustainability. Transforming law and literature. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 44.

[8] Bosselman K. The principle of Sustainability. Transforming law and literature Aldershot: Ashgate, 2008. P. 44 – 45.

[9] Ross A. Sustainable development law in the UK. From Rhetoric to reality. Routledge, 2011. P. 54.

[10] Bosselmann K. The concept of Sustainable development, in: K. Bosselmann and D. Grinlinton (eds.). Environmental Law for a Sustainable Society. Auckland, 2003. P. 24.

[11] Shearman R. The Meaning and Ethics of Sustainability // Environmental Management. 1990. 14(1). P. 5.

[12] Kay R. American Cosntitutionalism, in Larry Alexander (eds.). Constitutionalism, Philosophical Foundations. Cambridge University Press, 1998. P. 24.

[13] McIlwain Ch. H. Constitutionalism: Ancient and Modern. Cornell Univeristy Press, 1947. P. 15.

[14] Kay R. American Cosntitutionalism, in Larry Alexander (eds.). Constitutionalism, Philosophical Foundations. Cambridge University Press, 1998. P. 16.

[15] Larry A. Intriduction. P. 4–5.

[16] Zumbansen P. Comparative, global and transnational constitutionalism: The emergence of a transnational legal-pluralist order // Global Constitutionalism. 2012. 1(1). P. 32-34.

[17] Zumbansen P. Comparative, global and transnational constitutionalism: The emergence of a transnational legal-pluralist order // Global Constitutionalism. 2012. 1(1). P. 35.

[18] Moravcsik A. In Defence of the ?Democratic deficit?: Reassessing Legitimacy in the European Union // Journal of Common Market Studies. 2002. 40(4). P. 607.

[19] The principles of direct effect and the supremacy of EU law were established in the ECJ cases, Costa v. Enel, and Van Gend en Loose.

[20] Moravcsik A. In Defence of the ?Democratic deficit?: Reassessing Legitimacy in the European Union // Journal of Common Market Studies. 2002. 40(4). P. 619.

[21] Hall R. and Biersteker T. The Emergence of Private Authority in Global Governance. Camrigde Univeristy Press, 2002. P. 4-5.

[22] Finlay Richard J. Thatchersim and the Union, in: T. Devine (eds.). Scotland and the Union 1707 – 2007. Edinburgh University Press, 2008. P. 157.

[23] Finlay R. Thaterism and the Union, in: T. Devine (eds.). Scotland and the Union 1707 – 2007. Edinburgh University Press, 2008. P. 157.

[24] White I., Yonwin J. Devolution in Scotland. Parliament and Constitution Centre. House of Commons Library, 2013. P. 3.

[25] Leeke, Sear and Gay. Parliament and Constitution Centre //House of Commons Library, research paper. 1984. 03. P. 12.

[26] Scotland Act 1998. Schedule 5. Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga

[27] Scotland Act 1998. Schedule 5. D 2. Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga

[28] Devolution – Memorandum of understanding and Supplementary Agreements between the United Kingdom Government, the Scottish Ministers, the Welsh Ministers, and the Northern Ireland Executive Committee, 2010. P. 7. Available at http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/briefings/snpc-02084.pdf